

Геральдические байки

В. МОЦОК

Байки нынче в моде, особенно в артистической среде. Актеры очень любят их рассказывать на концертах и даже в специальных телепередачах, от души веселясь и веселя публику. Среди геральдистов тоже немало шутников и юмористов, которые могут рассказать невероятное количество забавных историй и случаев, произошедших с ними либо с их коллегами на различных геральдических мероприятиях, т. е. только наполнивших в последнее время нашу нелегкую "посткоммунистическую" жизнь. Некоторые приключения на слетах, съездах, конференциях, а то и просто в геральдических клубах достойны публикаций не только в нашем журнале, но и в "Крокодиле". Мы надеемся, что читатели с удовольствием поделятся с нами такими байками.

Сегодня мы затронем одну лишь небольшую тему, с которой неизбежно постоянно сталкиваются все редакции всех средств массовой информации. Это почерк. Пишем в редакцию нашего журнала приходит весьма много, за что мы очень благодарны нашим читателям. Почти на все мы стараемся ответить (либо лично, либо через журнал), особенно на грамотные, написанные разборчивым почерком, или напечатанные на машинке. Но есть у нас небольшая группа читателей, для которых нет ничего святого. Глядя на их письма, невольно вспоминаешь куриные окорочка, поставляемые фирмой "Союзконтракт", потому что написаны эти письма "как курица лапой". Иногда в памяти возникают доблестные аргонавты, плывущие в Колхиду за золотым руном, потому что каракули очень напоминают каракуль из овечьей шерсти.

Иметь дело с безобразным почерком само по себе не очень-то приятно. Но иногда это приводит к различным курьезным последствиям. Подтверждением тому — две небольшие миниатюры из жизни геральдистов.

* * *

АННОИСИТЫ

Не так давно, кажется, в прошлую пятницу, я сдавал в набор очередную порцию материалов для "Гербоведца". Среди многочисленных статей, напечатанных на машинке, попалась одна рукописная, присланная из далекого Североморска нашим активным корреспондентом Александром Борисовичем Стекловым, проходившим тогда сверхсрочную службу на ракетном крейсере "Адмирал Нахимов".

Зная о тяжелой заполярной военно-морской службе моего коллеги, об острой нехватке на корабле витаминов, денег и пишущих машинок, я не стал возвращать ему рукопись и заставлял присылать ее в машинписном виде. А самому как всегда некогда было перепечатывать. Так и сдал в набор, даже не проверив ошибки.

Через пару дней статьи были набраны и я как всегда отдал их на корректуру Наталье Ростиславовне Егоровой. Она добросовестно вычитала верстку, аккуратно подчеркнув карандашом все замеченные опечатки. Слово "анноиситы" в статье А. Б. Стеклова было подчеркнuto дважды, а напротив на полях стояло аж три вопросительных знака. Термин оказался действительно никому не известным. Мы обратились к первоисточнику. Надо сказать, что почерк у Александра Борисовича и в обычных случаях, мягко говоря, не очень разборчивый. Многие его письма с Севера мы расшифровывали часами. А здесь, как назло, сам черт ногу сломал бы.

Видимо, писал он в экстремальных условиях, максимально приближенных к боевым. В воображении живо возникли леденящие душу картины несчастного писателя за работой над статьей во время зимнего ночного пуска ракет, в жуткую штормовую погоду, стоящего на вахте на скользком шатком мостике, тайком от боцмана, в крошечной тьме, озаряемой кратковременными вспышками молний и взлетающими ракетами, задыхающегося от едкого дыма, мужественно заслоняющего грудь от kloкочущих волн и ураганного ветра мокрый, наполовину промерзший, соленый клочок рукописи, инстинктивно вода по нему дрожащими, посиневшими и распухшими от мороза руками, мертво сжавшими бульдожьей хваткой замерзшую насквозь авторучку, разогреваемую едва теплившимся дыханием, и все это под душевраздирающей вой сирен, рев ракет и грохочущие раскаты грома.

В таких условиях даже самый добросовестный каллиграф вряд ли правильно вывел бы хоть одну букву. Ну а... Объем русского алфавита у Стеклова мгновенно уменьшился более чем вдвое. Написание букв "с" и "е" стало идентичным, такую же участь постигли "а" и "о", "у" и "ц", "з" и "д", "г" и "ч". В одну закорючку превратились сразу четыре буквы "п" и "и", "н" и "к", а также "м", "ж", "ш" и "щ". Как ни крути, а в рукописи совершенно отчетливо читалось злополучное слово — "анноиситы", хоть ты тресни! Поняв всю бессмысленность затеи с расшифровкой, я отправился к наборщице, надеясь хоть у нее узнать истину, ведь умудрилась же она прочитать и правильно набрать все остальные слова.

Увидев у меня рукопись Стеклова, наборщица, потеряв дар речи, испуганно замахала на меня руками, жалобно залепетала что-то нечленораздельное, часто-часто заморгала повлажневшими глазами и в конце-концов выбежала из комнаты. Немного успокоившись, она вернулась и грустным срывающимся голосом поведала мне историю набора проклятой рукописи, о том, как ей пришлось потеть буквально

над каждой буквой, постоянно привлекая на помощь своих сотрудниц. Над словом "анноиситы" ломали голову все работники типографии — от корректора и директора, до ретушера и вахтера. Были перерыты все известные словари и справочники (вплоть до идиш), но тщетно. Сам автор статьи был недосягаем, а до меня просто не дозвонились. Сошлись на том, что это какой-то специфический геральдический термин, непереводаемый на русский язык.

К счастью, вскоре из Североморска пришло очередное письмо, в котором находилась вырезка из местной газеты именно с этой уже опубликованной статьей. На том месте, где у нас были пресловутые "анноиситы", там оказались обыкновенные "оппоненты". А жаль: уж очень привыкли мы к новому слову.

Статья в "Гербовед" не пошла, но термин "анноиситы" прочно прижился в нашем геральдическом лексиконе. У нас теперь даже ведется специальный список лиц, причисленных к лику "анноиситов ВГО", есть даже "почетные анноиситы ВГО". Вот только становится их все меньше.

И. СМЕТАННИКОВ

* * *

ЧЕРНЫЙ ИСУК

Вот уже несколько лет я рисую для личного архива родовые гербы российского дворянства. В моем домашнем гербовнике собрано более трехсот цветных рисунков. Многие геральдисты видели их во время моих выступлений на устном выпуске журнала "Гербовед" в ноябре 1993 года и на I Международной генеалого-геральдической конференции в феврале 1994 года.

Черпать информацию мне приходится из самых разных источников: русских, малороссийских, польских, балтийских гербовников, с родовых печатей, ювелирных изделий, надгробных плит, из архивов моих коллег... Иногда удается достать только описание герба и по нему восстанавливать рисунок, иногда попадаются черно-белые рисунки без штриховки и описания, иногда описание герба мне диктуют по телефону.

Однажды по просьбе одного моего коллеги я восстанавливал рисунки гербов по описаниям, взятым из его домашнего архива. Он переписал информацию из библиотечного гербовника много лет назад и, естественно, уже совсем забыл, что в этих гербах изображено, надеясь без труда в любое время восстановить рисунки. Так оно, собственно, и вышло. Однако на одном гербе мы все же споткнулись.

Владели гербом, как явствовало из выписки, некие "дворяне Исуковы". Незнакомая фамилия немного насторожила, но не отпугнула: мало ли какие роды были в России? Начинаю читать описание: "В

золотом щите черный исук...” Герб-то, оказывается, – говорящий ! Но кто же такой ”исук”, от которого произошла дворянская фамилия: зверь, птица, рыба, насекомое, растение? А может, это какой-то восточный воин, типа ”янычар”, ”самурай”, ”ниндзя”? Или какое-то архитектурное сооружение, вроде ”виадук”, ”акведук”? Звоню хозяину записей и пытаюсь найти истину у него. Тот за давностью лет, разумеется, ничего не помнит. Ищет по своему (рукописному) каталогу ”дворян Исуковых” и, к своему ужасу, находит, точно с таким же описанием герба: ”В золотом щите черный исук...” Почерк-то за эти годы совсем не изменился. Решили, что это какое-то редкое заморское животное. Как же оно выглядит? Стал искать его по разным биологическим словарям и энциклопедиям. Там, естественно, ничего подобного нет! Позвонил даже в Академию наук...

Вскоре этот ”исук” уже стал мне по ночам сниться: являлось что-то большое, мохнатое, клыкастое, с тремя выпученными глазами, двумя длинными хвостами и шестью лапами, с огромными ушами, выполняющими роль крыльев. Оно шумно влетало через окно в мой кабинет, хватало тубики с красками и с жадностью выдавливало их содержимое в свою мерзкую пасть, отвратительно чавкая. Нажравшись до отвала, оно начинало оглушительно орать на весь дом голосом простуженного Папанова, записанным на пленку, но воспроизводимым на медленной скорости: ”Ты меня, черного исука, никогда не нарисуешь!” Потом с диким хохотом исчезало в окне. Так продолжалось каждую ночь. Жизнь стала невыносимой. За каких-то несколько суток я похудел на 20 кг, осунулся, побледнел, совсем потерял аппетит, забросил все дела. Днем я только и делал, что с ужасом ожидал ночь. Сердечко стало пошаливать. О нервах промолчу.

Спас меня от психушки мой другой коллега-геральдист Владимир Александрович Зайцев, у которого тоже есть домашний архив по родовой геральдике, вплоть до ксерокопий некоторых рисунков из гербовников. Он случайно позвонил мне по каким-то своим делам, когда я уже собирался вызывать ”неотложку”. Я с грустью поделился с ним своей трагедией, уже ни на что не надеясь. Но ведь не зря говорят: ”Друзья познаются в беде”. Владимир Александрович за считанные часы перерыл весь свой архив и отыскал-таки злосчастный герб!

Оказывается, это были вовсе не Исуковы, а всего-навсего Жуковы. И в гербе, соответственно, был изображен обыкновенный безобидный черный жук. Просто заказчик, переписывая описание герба, очень торопился. Поэтому некоторые буквы получились неразборчивыми, в частности, ”ж” читалась – ”и” и ”с”.

Той же ночью мне явился маленький черный жучок. Он выполз из тубика из-под черной краски и тонким жалобным голоском пропищал: ”Прости меня, Петя! Ты победил...” И исчез навсегда. С тех пор я вновь обрел сон и душевный покой. Но с тем заказчиком больше не общаюсь.

По рассказу П. Ф. КОСМОЛИНСКОГО записал И. Сметанников